

Встреча курсантов Военного института иностранных языков Красной Армии, который приютил в военные годы Ставрополь, похожее, была неожиданной даже для тех, кто ее готовил. Для вазовских телевизионщиков, снимавших в то время фильм о выпускниках и преподавателях некогда совершенно секретных курсов (фильм назывался «Интеллект победы») интереснейший, между прочим, был проект.

Для Тольяттинского краеведческого музея, немало сделавшего для того, чтоб эта «акция» состоялась. И для Нэллы Лобановой, добывавшей материал для своей будущей книги об Институте и его выпускниках.

Юрий Куликов и вдова Иммануила Левина.

ПОСЛЕ ПИРА — ВОЙНА

К сожалению, попытка собрать 2 июля 2002 года в санатории «Лесное» всех, кого удалось разыскать по прошествии стольких лет, не увенчалась успехом, о чем автор сценария и режиссер фильма Елена Кузнецова очень жалела. Не приехал, например, известный режиссер-мультипликатор Федор Хитрук, автор «Винни-Пуха», «Каникул Бонифация» и ряда других шедевров (кстати, совсем недавно, в мае, Хитруку исполнилось 85 лет, о чем сообщили все центральные телеканалы). Не приехала известная писательница Елена Ржевская, автор многочисленных повестей, рассказов и мемуаров о войне (именно ей выпало участвовать в качестве переводчика в идентификации личности Гитлера в мае 1945-го). Не приехали многие другие выпускники ставропольских курсов, имена которых уже в войну, а тем более после победы узнал весь мир. Например, композитор Андрей Эшпай (интервью с ним, опубликованное недавно в этой рубрике, было записано уже в октябре 2000-го, когда маэстро привез свою программу на «Тольяттинскую музыкальную осень»).

Зато прибыл в Тольятти выпускник курсов народный артист СССР Владимир Этуш. Впрочем, и его удалось вытащить буквально чудом: Владимир Абрамович разрывался между премьерой в театре и приемными экзаменами в знаменитом Театральном училище имени Щукина, профессором и ректором которого является уже не первый год. Кроме Этуша, в «Лесном» собрались преподаватель немецкого Лев Парпаров (полковник внешней разведки, сильный лингвист, автор многочисленных словарей военного перевода), курсанты, фронтовики Юрий Куликов и Владимир Зотов и вдова выпускника курсов, известного журналиста Иммануила Левина...

В изложении Н. Лобановой краткая история курсов такова. В октябре 1941 года в Ставрополь был передислоцирован военный факультет, созданный при втором Московском государственном пединституте иностранных языков. В 1942-м его преобразовали в Военный институт иностранных языков, который возглавил сначала полковник Степанов, а затем генерал-лейтенант Николай Биязи. Институт был мощной лингвистической базой, где готовились кадры для общевойсковой разведки, для Главного разведуправления, для военно-морской разведки и военные переводчики. Со временем к факультету западных языков добавился эвакуированный из Ферганы факультет восточных языков. Всего преподавалось более двадцати языков. Среди преподавателей института и курсов — мировые имена. Среди выпускников — тоже.

Они не думали о том, что когда-нибудь о них заговорят как об «интеллекте победы». Просто шла война, и надо было определяться. И все они по-разному оказались на этих курсах. На встрече в «Лесном» Этуш (как и Эшпай, бывший всю войну на передовой и награжденный за боевые заслуги орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и медалью «За освобождение Кавказа») рассказал свою историю:

— До этого я три месяца проработал землекопом в Гороборонстрое НКВД — у меня сохранилась даже справка. А когда вернулся, Москва была совсем другая: с дирижаблями воздушно-го ограждения, с переплетами на окнах. В моей комнате жила работница с пожарником — каким

образом, не знаю. Пришел в театр, а там «Фельдмаршал Кутузов». Массовый спектакль, на сцене вся труппа, а в зрительном зале — полдюжины человек. И это на меня произвело такое впечатление, что я решил: нет, эта профессия не годится. И ушел. А попал на курсы потому, что товарищи мои туда были записаны — надо же было как-то определяться. Вот и вся история...

Парпарова, в совершенстве знавшего немецкий язык, поскольку вырос в Германии, определили преподавателем на курсы переводчиков по связям отца — резидента советской разведки, впоследствии репрессированного. Лев Федорович, которому в то время не было и двадцати лет, участвовал в отборе будущих курсантов еще в Москве. Журналист Иммануил Левин, попавший в приемную комиссию по направлению райкома комсомола вместе с тремя сверстниками, так вспоминает об этом в своей книге «Записки военного переводчика»:

«Мы довольно смело явились к курсовому начальству. Помню, отборочную беседу с нами вел молодой преподаватель Лев Парпаров, впоследствии один из крупнейших специалистов в области военного перевода, автор многих словарей и учебников. Мы были поражены, услышав его безжалостный приговор: «Годятся». Через несколько дней нас обмундировали...»

В октябре 1941-го, когда полстолицы, в том числе правительство, эвакуировали в Самару, дошла очередь и до института. Коренные москвичи даже не предполагали, в какую глушь их привезут. Просто погрузили на пароход и отправили вниз по Волге.

— До революции этот теплоход назывался «Король Альберт», потом «Карл Либкнехт», — рассказывает в фильме Елена Ржевская. — Как-то было даже по-своему символично, что мы плывем на теплоходе «Карл Либкнехт», потому что его убили фашисты тогдашнего времени, а сейчас мы едем, чтобы обучаться и идти воевать против фашистов.

«До колик в животе веселил нас своими импровизированными концертами тогда еще совсем не народный артист, но очень талантливый курсант Владимир Этуш», — писал Левин.

Юрия Куликова и Владимира Зотова завербовали на курсы в Астрахани, где они успели окончить подготовительный курс Высшего военно-морского училища имени Фрунзе. Приехали представители разведуправления, чтобы отобрать успевающих по иностранным языкам курсантов. Пошли разговоры: «Набирают в школу военно-морских атташе и разведчиков». Романтика! Никаких колебаний не было», — рассказывал на встрече Куликов...

«В Ставрополе мы окупились в относительно тихую провинциальную жизнь, сугубо тыловую, — вспоминал в одной из своих статей («Знамя», N 10, 1992) другой выпускник курсов, профессор Российского государственного гуманитарного университета (бывшего историко-архивного) Елеазар Мелетинский. — Военфак... находился в живописном пригороде и размещался в Кумысолечебнице, а курсы — в самом городе, в весьма вольных условиях. Единственное притеснение состояло в том, что начальник Института, генерал-майор Биязи, запрещал курсантам покупать на базаре и грызть семечки, а это было очень популярным развлечением.

Лев Парпаров и Владимир Этуш. «Лесное», июль 2002-го.

В самом институте часто проходили банкеты и танцы. Биязи был именно банкетным генералом. (Правда, он также читал лекции по технике допроса пленных, уговаривал не слишком с ними «чикаться» и не робеть перед грубыми методами)... Жены комсостава находились большей частью в другом месте, в санатории под Куйбышевом, но здесь было полно слушателей женского пола. Развлечения далеко не ограничивались танцами. Курсанты были, в общем, от всего этого в стороне (главный «разврат» — запретные семечки), и все же кое-что текло и им по усам. Эта обстановка пира во время чумы была оскорблением моего, пусть не очень агрессивного, идеализма...

А после «пира» у большинства из них был фронт, в том числе — за линией фронта. Куликов в январе 1945 года был откомандирован в Разведуправление Главного морского штаба ВМФ, в группу агентурной разведки в Германии. В составе разведгрупп бросали в тыл врага — надо было расчищать дорогу Красной Армии.

Парпаров окончил высшую разведшколу Генштаба и уже в феврале 1945-го оказался в Берлине.

Этуш попал в стрелковый полк и воевал в горах Кабарды и Осетии, участвовал в освобождении Ростова-на-Дону, Украины. И лишь тяжелое ранение заставило будущего великого артиста покинуть строй. Но об этом Этуш вспоминать не любит.

— Давайте я лучше расскажу, как получил орден, — и в лицах описывает, как в разгар тяжелейшего боя комдив вдруг вспомнил: «Этуш, на твой орден, а то убьют и не получишь»...

В боях погибли трое товарищей Левина, с которыми он поступал. И вообще, одному богу известно, сколько их, военных переводчиков, осталось там. «У войны — лицо войны», — сказала как-то в интервью Татьяна Бек Елена Ржевская.